

A man wearing a light-colored straw hat with a brown band and a white polo shirt. He is smoking a cigar and has a large diamond ring on his finger. The background shows a beach and the ocean.

Алекс Акимото

*Его последняя
строка*

18+

Алекс Акимото

Его последняя строка

<https://litres.ru/74342694>

SelfPub; 2026

Аннотация

Микаэла читает книгу Акиры Курокава в третий раз и плачет. Она не знает, что однажды телефон зазвонит в три часа ночи и голос скажет: «Приезжайте в Токио». Она не знает, что за словами, которые она любит, стоит человек, который не умеет любить. Акира — писатель, глава клана, человек, прячущий пустоту за стенами из слов. Микаэла приехала не на интервью. Она приехала к нему. И стены не рухнули. Они стали ненужными. Это история о пустоте, которая оказывается домом. О любви без имени. О собаке, которая чихает от лепестка сакуры. И о том, что иногда достаточно просто быть рядом.

Содержание

Глава	4
Предисловие	5
ГЛАВА 1.	7
ГЛАВА 2.	10
ГЛАВА 3.	13
ГЛАВА 4.	17
ГЛАВА 5.	21
ГЛАВА 6.	23
ГЛАВА 7.	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алекс Акимото

Его последняя строка

Глава

Предисловие

Эта книга родилась из двух вопросов.

Первый: что произойдёт, если человек, которого ты любишь через страницы, однажды откроет тебе дверь? Не метафорически. Буквально. Откроет дверь своей квартиры и скажет: «Проходите. Но будьте кратки».

Второй: что произойдёт, когда ты поймёшь, что любишь не автора, а человека за ним? Того, кто снимает пиджак, гладит собаку и молчит, глядя на догорающий город. Того, кто боится не темноты, а того, что в ней кто-то есть.

Микаэла Аренас приехала в Токио из Кордовы, города, где солнце сушит землю до трещин, а женщины носят в волосах цветы вместо ответов. Она не знала, что её любовь к чужим словам приведёт её в мир, где слова убивают сильнее ножей. Где имя — это щит. Где молчание — это признание. Где последний лепесток сакуры падает на каплю крови, и никто не знает, что это значит: конец или начало.

Акира Курокава писал о пустоте так, будто знал её на вкус. Он не знал, что пустота имеет имя. Что она живёт в Аргентине, пахнет горькими травами и смотрит на него глазами девушки, которая пришла за автографом, а нашла правду.

Эта книга — о том, что бывает, когда две пустоты встречаются и решают, что вместе дышать легче. Даже если воздух вокруг пахнет бензином и чужой жестокостью. Даже ес-

ли кто-то уже поджёг твою жизнь и смотрит, как ты стоишь у огня, не двигаясь.

Читайте. И помните: некоторые вещи слишком дороги, чтобы превращать их в буквы. Но есть правда, которая принадлежит только двоим. И она не умирает. Даже когда всё вокруг сгорает.

Автор

ГЛАВА 1.

Микаэла читала книгу Акиры Курокава в третий раз, и это было странно, ведь книги, которые читаешь в третий раз, обычно не плачут вместе с тобой, а эта плакала, и Микаэла плакала вместе с ней, и слёзы капали на страницу, на ту самую, где главный герой стоит на крыше и смотрит на город, и думает о том, что пустота внутри него — это не то, что нужно заполнить, а то, что нужно понять, и Микаэла понимала, и от этого понимания становилось легче и тяжелее одновременно, как бывает, когда ты наконец называешь то, что давно болит, и название не лечит, но делает боль видимой, и видимую боль можно держать в руках, а невидимую — нет.

Было три часа ночи. Буэнос-Айрес спал. Микаэла сидела в кресле у окна, с бокалом мальбека, который давно уже не пила, а просто держала, и вино в бокале было тёмным, как ночь за окном, и Микаэла смотрела на книгу и думала, что вот этот человек, который написал эти строки, он где-то там, в Японии, и не знает, что она существует, и не знает, что она читает его книгу в третий раз, и плачет, и держит бокал мальбека, который давно уже не пьёт, и это было не обидно, а как-то правильно, ведь есть люди, которые пишут для тебя, не зная, что ты есть, и это самый честный способ любить — любить того, кто не знает, что ты его любишь, и не ждёт этой любви, и не просит её, а просто пишет, и ты читаешь, и это

всё, и этого достаточно.

Телефон зазвонил. Микаэла посмотрела на экран. Неизвестный номер. Она могла не отвечать. Могла выключить. Могла бросить телефон на стол и продолжить читать, и никто бы не узнал, что она не ответила, и это было бы правильно, ведь три часа ночи — это не время для звонков, но она ответила. Не от того, что хотела ответить. А от того, что телефон зазвонил именно сейчас, в эту минуту, когда она читала ту самую страницу, где герой стоит на крыше, и это было не совпадением, и Микаэла верила в совпадения, не в те, которые случайны, а в те, которые не случайны, и этот звонок был не случаен.

— Сеньорита Альварес? — сказал голос на том конце. Женский. Тихий. С японским акцентом. — Меня зовут Нанами. Я личный секретарь господина Курокава. Мы хотели бы пригласить вас на интервью. Эксклюзивное. В Токио. Через неделю. Все расходы мы берём на себя.

Микаэла молчала. Смотрела на книгу. На ту самую страницу, где слёзы оставили следы. И думала: это не может быть правдой. Это сон. Это тот самый сон, который снится, когда ты читаешь книгу в третий раз и плачешь, и держишь бокал мальбека, который давно уже не пьёшь, и тебе снится, что человек, который написал эту книгу, зовёт тебя к себе, и ты летишь к нему, и это сон, и утром ты проснёшься, и всё будет как раньше, и это будет правильно, ведь сны для того и существуют, чтобы показывать то, чего не может быть.

— Сеньорита Альварес? Вы меня слышите? — спросила Нанами.

— Да, — сказала Микаэла. И голос её дрогнул, и она не стала его прятать. — Я слышу. Я приеду.

Она положила трубку. Посмотрела на книгу. На бокал мальбека. На окно, за которым Буэнос-Айрес спал. И подумала: вот и всё. Вот и конец той жизни, которая была. И начало той, которая будет. И какая она будет, эта новая жизнь, она не знала. И не хотела знать. Ведь знать — значит бояться, а бояться — значит не идти, а она хотела идти. Хотела лететь. Хотела увидеть человека, который написал строки, которые она читает в третий раз и плачет. И это желание было больше страха. Больше сомнения. Больше всего, что могло остановить. И Микаэла встала. Пошла собирать чемодан. И книга лежала на кресле. Открытая. На той самой странице. И слёзы на ней высохли. И это было правильно.

Конец Главы 1.

ГЛАВА 2.

Самолёт летел над океаном, и Микаэла смотрела в иллюминатор, и внизу была вода, бесконечная, серая, живая, и в этой бесконечности было что-то, что напоминало ей о книге Акиры Курукава, о той пустоте, о которой он писал, и которая была не отсутствием, а пространством, и Микаэла думала, что вот она летит через это пространство, через эту пустоту, и пустота не пугает, а держит, как вода держит корабль, и это было странно, ведь пустота обычно пугает, а эта держала, и Микаэла не знала, что делать с этим знанием, и не хотела знать, просто сидела и смотрела в иллюминатор, и держала в руках книгу, ту самую, с замятыми уголками, и эта книга была единственной вещью, которая была с ней всё это время, и в Буэнос-Айресе, и в самолёте, и будет в Токио, и это было правильно, ведь есть вещи, которые не бросают, и эта книга была такой вещью.

Токио встретил её дождём. Не ливнем. Тихим, мелким, как тот дождь, который бывает в книгах, когда герой приезжает в новое место и всё начинается заново, и Микаэла вышла из самолёта и вдохнула, и воздух был влажным, и пах чем-то, чему она не знала имени, но что было знакомым, как знакомым бывает запах дома, который ты не можешь назвать, но узнаёшь сразу, и этот запах был запахом того места, где ты свой, и Микаэла не знала, свой ли она здесь, но

чувствовала, что может быть, и это «может быть» было больше, чем уверенность, ведь уверенность — это то, что знаешь, а «может быть» — это то, что надеешься, и надежда была сильнее.

Кэндзи стоял у выхода. В чёрном костюме. Без зонта. Дождь падал на его плечи, и он не замечал этого, или замечал, но не хотел замечать, и это было то самое качество, которое Микаэла позже научится узнавать: не отсутствие чувств, а умение не показывать их, и это умение было не холодно-стью, а защитой, и защита была нужна не от других, а от себя, и Кэндзи защищал себя от того, что чувствовал, и это было видно, если знать, как смотреть, и Микаэла знала, ведь она читала книги, и книги учат смотреть.

— Сеньорита Альварес, — сказал Кэндзи. И поклонился. Не глубоко. Достаточно. Как кланяются человеку, которого уважают, но не знают. — Я Кэндзи. Личная охрана господина Курокава. Прошу.

Он повёл её к машине. Микаэла шла рядом. И думала: вот он. Человек, который стоит между мной и Акирой Курокава. Между мной и тем, кто написал строки, которые я читаю в третий раз и плачу. И этот человек не знает, что я читаю эти строки. И не знает, что я плачу. И не знает, что я лечу через океан ради этих строк. И это было правильно. Ведь есть вещи, которые не нужно знать, чтобы быть рядом.

Машина ехала по Токио. Микаэла смотрела в окно. Город был огромным. Живым. Дышащим. И в этом городе был дом

Акиры Курокава, и в этом доме был он, и он писал книги, и она читала их, и вот теперь она едет к нему, и это было не сном, это было правдой, и правда была страннее сна, ведь во сне ты знаешь, что это сон, а в правде ты не знаешь, что это правда, пока не коснёшься её, и Микаэла хотела коснуться. Хотела увидеть. Хотела услышать. И это хотение было больше всего, что было раньше.

Конец Главы 2.

ГЛАВА 3.

Дом Курокава был не таким, как Микаэла представляла. Она думала, что это будет современный дом, со стеклом и бетоном, как у людей, которые пишут о пустоте и знают её цену, а это был старый дом, деревянный, с садом, в котором цвели сливы, и с воротами, которые скрипели, и этот скрип был тем звуком, который говорит: здесь живут давно, и здесь будут жить долго, и Микаэла вошла в эти ворота и почувствовала, что входит не в дом, а в историю, и эта история была старше её, старше Акиры, старше всего, что она знала, и это было не страшно, а как-то правильно, ведь есть места, которые не выбирают, а входят в них, и Микаэла вошла.

Кэндзи провёл её через сад. Через коридор. Через комнату, в которой пахло татами и ладаном, и этот запах был не запахом дома, а запахом времени, и время здесь шло иначе, не так, как в Буэнос-Айресе, не так, как в самолёте, а медленнее, глубже, как время в книгах, когда ты читаешь и забываешь, что есть часы, и Микаэла забыла, и это было правильно.

Акира сидел в главной комнате. На татами. Перед ним стоял столик, на котором лежала бумага и ручка, и он писал, и когда Микаэла вошла, он поднял голову, и посмотрел на неё, и в этом взгляде было то, чего она не ожидала: не любопытство, не оценка, а узнавание, как узнают человека, которого видели во сне, но не знают, что видели, и это узна-

вание было не в глазах, а глубже, в том месте, где живут те вещи, которые не имеют имени, и Микаэла почувствовала это узнавание, и от него внутри что-то сдвинулось, тихо, как сдвигается камень, который долго лежал на одном месте, и под ним оказывается вода, и вода течёт, и это течение было новым, и это было страшно, и это было прекрасно.

— Сеньорита Альварес, — сказал Акира. И голос его был тихим, не тем тихим, который прячут, а тем, который берегут, и в этом бережении было что-то, что Микаэла узнала, то самое, что было в его книгах, то самое, что она читала в третий раз и плакала. — Спасибо, что приехали. Садитесь. Чай?

— Да, — сказала Микаэла. И села. На татами. На колени. Как сидела в детстве, когда бабушка учила её пить чай, и это было странно, ведь она не была в Японии, не знала японского, не знала, как сидеть на татами, но села, и это было правильно, ведь есть вещи, которые не нужно знать, чтобы делать, и сидеть на татами было такой вещью.

Нанами подала чай. Микаэла взяла чашку. Отпила. Чай был горьким, и сладким, и тёплым, и в этом вкусе было что-то, что напоминало ей о книге, о той пустоте, о которой писал Акира, и которая была не отсутствием, а пространством, и это пространство было здесь, в этой комнате, в этом чае, в этом молчании, которое было между ними, и Микаэла сидела и пила чай, и Акира смотрел на неё, и Кэндзи стоял у двери, и всё это вместе было тем, что не нужно называть, не нужно объяснять, не нужно прятать, оно просто было, как

дыхание, как свет, как дождь за окном, и Микаэла дышала, и это было всем, что нужно.

— Я читала вашу книгу, — сказала Микаэла. И голос её дрогнул, и она не стала его прятать. — Три раза. И плакала. На той странице, где герой стоит на крыше. Я хотела спросить вас: почему вы написали именно так? Почему пустота — это не то, что нужно заполнить, а то, что нужно понять?

Акира молчал. Долго. Смотрел на неё. И в этом молчании было не раздумье, а что-то другое, что-то, похожее на то, как человек слышит вопрос, который давно хотел услышать, но боялся, и теперь, когда услышал, не знает, как ответить, и это незнание было не пустотой, а честностью, и честность была больше слов.

— Я не знаю, — сказал Акира наконец. И это был честный ответ. Не уклонение. Не кокетство. Правда. — Я написал так, как чувствовал. И не знал, почему. И до сих пор не знаю. Может быть, вы знаете. Может быть, вы прочитали то, что я не смог написать. Может быть, вы видите то, что я не вижу.

И это было всё. Не лекция. Не объяснение. Не ответ. Просто: может быть, вы видите то, что я не вижу. И в этих словах было то, чего Микаэла не ожидала: не снисхождение, не оценка, а приглашение. Приглашение войти. Не в дом. В него. В то место, где живут те вещи, которые не имеют имени. И Микаэла вошла. Не сразу. Не торопясь. Просто вошла. И это было началом.

Конец Главы 3.

ГЛАВА 4.

Интервью началось в три часа дня, и это было странно, ведь интервью обычно начинаются утром, когда свет ровный и мысли свежие, а это началось в три, когда солнце уже клонилось к закату и тени в комнате стали длинными, и Микаэла подумала, что это похоже на Акиру — всё у него не как у людей, всё сдвинуто, всё в то время, когда другие уже заканчивают, а он только начинает, и это было не странно, а правильно, ведь есть люди, которые живут не по часам, а по своему внутреннему времени, и Акира был таким человеком.

Нанами поставила диктофон на столик. Микаэла открыла блокнот. Акира сидел напротив. Между ними стоял столик, на котором было две чашки чая, и расстояние между ними было не физическим, а другим, тем расстоянием, которое бывает между двумя людьми, которые видят друг друга впервые, но чувствуют, что видели раньше, и это чувство было не в глазах, а глубже, в том месте, где живут вещи, которые не имеют имени, и Микаэла чувствовала это расстояние, и не хотела его сокращать, ведь сокращать — значит торопиться, а торопиться — значит пропустить, и она не хотела пропустить.

— Первый вопрос, — сказала Микаэла, и голос её был ровным, но в этой ровности было что-то, чего она сама не ожидала, не волнение и не страх, а интерес, тот самый ин-

терес, который бывает, когда ты открываешь книгу и не знаешь, что там, но знаешь, что там что-то есть, и это что-то ждёт. — Вы пишете о пустоте. О той пустоте, которая внутри. О той, которую не нужно заполнять, а нужно понять. Откуда вы знаете о ней? Вы её видели? Вы её чувствуете? Или вы её выдумали?

Акира молчал. Долго. Смотрел на чашку чая, на пар, который поднимался от неё и исчезал, как исчезают мысли, если их не записать, и Микаэла видела, что он думает, и это думание было не раздумьем, а чем-то другим, чем-то похожим на то, как человек смотрит в колодец и видит там не воду, а себя, и это видение пугает, но он не отводит глаз.

— Я её не выдумал, — сказал Акира наконец, и голос его был тихим, но не тем тихим, который прячут, а тем, который берегут, и в этом бережении было то, что Микаэла узнала, то самое, что было в его книгах, то самое, что она читала в третий раз и плакала. — Я её чувствую каждый день. Каждый раз, когда сажусь писать. Каждый раз, когда встаю утром и не знаю, зачем. Она там, внутри. Она не болит и не давит, она просто есть, как комната, в которую не заходишь, но знаешь, что она есть, и однажды ты заходишь и видишь, что там не пусто, там просто нет того, что ты ожидал, и это не страшно, это то, что есть.

Микаэла записала. Не дословно. Не записала. Просто запомнила. Ибо есть слова, которые не записывают, а запоминают, и эти слова были такими словами. Она посмотрела на

Акиру, на его руки, которые лежали на коленях, на его глаза, которые смотрели на чашку, и подумала: вот он, человек, который написал строки, которые я читаю в третий раз и плачу, и он сидит передо мной, и говорит, и не знает, что я плакала, и не знает, что я летела через океан ради этих слов, и это было правильно, ведь есть вещи, которые не нужно говорить, чтобы быть понятыми.

— Второй вопрос, — сказала Микаэла. — Вы пишете о любви. Но в ваших книгах нет любви. Есть только пустота. Есть только тишина. Есть только ожидание. Почему? Вы не верите в любовь? Или вы её боитесь?

Акира поднял голову. Посмотрел на Микаэлу. Долго. Внимательно. Как смотрят на то, что не ожидали увидеть. И в этом взгляде было то, чего она раньше не видела: не усталость и не вину, а удивление, то самое удивление, которое бывает, когда ты идёшь по знакомой дороге и вдруг видишь то, чего не видел раньше, и это видение меняет дорогу, и ты уже не можешь идти как раньше.

— Я не боюсь любви, — сказал Акира, и в голосе его было что-то новое, что-то, чего Микаэла раньше не слышала, не решение и не обещание, а признание, простое, человеческое, как признание человека, который долго молчал и вдруг заговорил. — Я не умею её писать. Любовь — это не то, что пишут. Это то, что живут. И я не жил. Я писал. И это было не то же самое. И теперь я это понимаю. И не знаю, что с этим делать.

И это было всё. Не лекция. Не объяснение. Не ответ. Просто: не знаю, что с этим делать. И в этих словах было то, чего Микаэла не ожидала: не сила и не мудрость, а честность. Та самая честность, которая бывает, когда человек снимает маску и показывает лицо, и лицо не красивое и не идеальное, а настоящее, и настоящее было красивее идеального.

Кэндзи стоял у двери. Молча. Смотрел не на Акиру, а на Микаэлу. И думал о том, кто она, откуда, почему Акира говорит с ней так, как не говорит ни с кем. И это думание было не подозрением, а наблюдением, тем наблюдением, которое бывает у человека, который всю жизнь смотрит на тени между огнями и вдруг видит свет, и не знает, что с ним делать.

Конец Главы 4.

ГЛАВА 5.

Микаэла осталась в доме. Не на день и не на два, а на неделю, а потом ещё на одну, а потом ещё, и это было странно, ведь она приехала на интервью, на одно интервью, а осталась на недели, и это было не правильно и это было правильно, и в этой неправильности было то, что Микаэла не могла объяснить, но чувствовала, и чувство было сильнее объяснения, и она перестала объяснять.

Кэндзи не доверял ей. Это было видно не в словах и не во взглядах, а в том, как он стоял, когда она входила в комнату, в том, как он молчал, когда она говорила, в том, как он смотрел на её руки, когда она держала чашку, и в этом взгляде было не подозрение, а проверка, та самая проверка, которую проходят все, кто входит в дом Курокава, и Микаэла проходила эту проверку каждый день, и не знала, проходит ли, и не хотела знать, ведь знать — значит стараться, а стараться — значит притворяться, а она не хотела притворяться.

Акира защищал её. Не словами и не жестами, а просто тем, что был рядом, тем, что говорил с ней, тем, что смотрел на неё, и это было больше, чем защита, это было присутствие, и присутствие было сильнее слов.

— Ты не должен ей доверять, — сказал Кэндзи Акире однажды вечером в саду, когда Микаэла была в доме, и голос его был ровным, но в этой ровности было то, чего Акира не

слышал раньше: не приказ и не оценка, а беспокойство, то самое беспокойство, которое бывает у человека, который видит, что близкий ему человек идёт туда, куда не надо, и не может остановить.

— Я ей не доверяю, — сказал Акира, и это было правдой, он не доверял, не в том смысле, в котором доверяют другу или брату, он не знал её, не знал, откуда она, не знал, зачем приехала, не знал, что хочет, и это незнание было не пустотой, а пространством, и в этом пространстве можно было войти, и Акира вошёл.

— Тогда почему она здесь? — спросил Кэндзи.

— Она здесь, — сказал Акира, и в голосе его было что-то новое, что-то, чего Кэндзи раньше не слышал, не решение и не обещание, а то, что было под ними, то, что Кэндзи не должен был слышать, но услышал. — Потому что она видит то, что я не вижу. И это редкость. И я не хочу её терять.

Кэндзи молчал. Смотрел на Акиру. Долго. И думал о том, что вот и конец того, что было, и начало того, что будет, и какое оно будет, это новое, он не знал, и не хотел знать, ведь знать — значит бояться, а бояться — значит останавливаться, а он не мог остановиться, не сейчас, не здесь, не после того, что было.

Конец Главы 5.

ГЛАВА 6.

Нападение случилось ночью, не в три и не в четыре, а в два, когда дом спал, когда сад молчал, когда даже Хати не вилял хвостом во сне, и тишина была такой полной, что в ней слышно было, как падают лепестки сливы, и эти лепестки падали медленно, как падает всё, что не торопится, и Микаэла спала, и видела сон, и во сне она читала книгу Акиры Курокава, и книга была живой, и дышала, и говорила: не бойся, я здесь, и это было не страшно, а правильно, и Микаэла не боялась.

И тогда разбилось окно, не тихо, а громко, с тем звуком, с которым разбивается стекло, когда в него входит что-то, что не должно входить, и этот звук был не звуком, а криком, и Микаэла проснулась, и не поняла, где она, и поняла, и встала, и не закричала, и это было странно, ведь она должна была закричать, но не закричала, и это было то самое качество, которое она в себе не знала, и которое вышло наружу в ту ночь, и это качество было не храбростью, а чем-то другим, чем-то похожим на то, как вода находит путь, когда ей преграждают дорогу, и этот путь был не вперёд, а внутрь, и Микаэла пошла внутрь.

Кэндзи был уже там, в коридоре, с пистолетом, и он стрелял не торопясь и не промахиваясь, и падали люди не торопясь и не промахиваясь, и Микаэла видела это, видела, как

падают люди, видела, как Кэндзи стреляет, и не закричала, и не упала, и не убежала, а просто стояла и смотрела, и думала о том, что вот это и есть то, о чём он пишет, вот это и есть пустота, не отсутствие, а то, что происходит, когда всё остальное исчезает.

Акира был в главной комнате, на татами, с раной на плече, и кровь текла по его пальцам, по татами, по бумаге, на которой он писал, и он не кричал и не звал, а просто сидел и держал рану, и смотрел на дверь, и ждал не Кэндзи и не помощь, а Микаэлу, и это было странно и это было правильно, ибо есть люди, которых ждёшь не для того, чтобы они помогли, а для того, чтобы они были рядом, и Акира ждал Микаэлу не для того, чтобы она помогла, а для того, чтобы она была рядом.

Микаэла вошла. Увидела Акиру. Увидела кровь. Увидела рану. И не закричала, и не упала, и не убежала, а просто подошла и встала на колени, и посмотрела на рану, и думала о том, что делать, и не знала, и не хотела знать, а просто была рядом, и это было больше, чем помощь, больше, чем слово, больше, чем всё.

Акира посмотрел на неё. Долго. Внимательно. И в этом взгляде было то, чего она раньше не видела: не усталость и не вину, а то, что было под ними, то, что он прятал всю жизнь и только теперь начал показывать, как показывают шрам, который давно зажил, но всё ещё помнит боль.

— Ты здесь, — сказал Акира тихо, почти шёпотом, как

говорят не для того, чтобы услышали, а для того, чтобы сказать, и в этом «ты здесь» было всё, не благодарность и не удивление, а просто факт, ты здесь, и этого достаточно.

Микаэла кивнула. Не сказала ничего. Просто была рядом. И это было всем, что нужно. И это было всем, что есть. И это было всем, что будет.

Конец Главы 6.

ГЛАВА 7.

Акира показал Микаэле библиотеку на третий день, и это было не похоже на то, как показывают библиотеки, когда ведут за руку и говорят: вот, смотрите, здесь книги, а он просто открыл дверь в полу, ту самую дверь, которую Микаэла не заметила раньше, хотя ходила по этой комнате два дня, и лестница уходила вниз, в темноту, и пахло оттуда старой бумагой и чем-то ещё, чем-то, чему она не знала имени, но что было знакомым, как знакомым бывает запах дома, который ты не можешь назвать, но узнаёшь сразу.

— Здесь то, что я читаю, — сказал Акира, и голос его был тише обычного, как будто он боялся разбудить то, что спало внизу, и Микаэла пошла за ним, и ступени были холодными под босыми ногами, ведь она сняла туфли у двери, не зная зачем, просто сняла, и это было правильно, ведь в библиотеку входят босиком, как в храм, и Микаэла не знала, что это так, но знала, и это знание было не в голове, а в ногах, и ноги знали больше, чем голова.

Библиотека была огромной. Не в том смысле, в котором огромны залы с высокими потолками и люстрами, а в том смысле, в котором огромна комната, где книги стоят не по полкам, а по стенам, по полу, по углам, и кажется, что их больше, чем места, и они растут, как растения, и Микаэла шла между ними и думала, что вот это и есть то место, о ко-

тором она читала в его книгах, то место, где пустота становится домом, и она не ошибалась, и это было не страшно, а правильно.

— Здесь есть всё, что я написал, — сказал Акира, и он взял с полки книгу, тонкую, в серой обложке, и протянул Микаэла, и она взяла, и открыла, и увидела первую строку, ту самую, которую читала в Буэнос-Айресе, в три часа ночи, с бокалом мальбека, и слёзы потекли по щекам, и она не стала их вытирать, ведь они были нужны, они были тем, что смывает старое, и после них будет новое, и это новое началось здесь, в этой библиотеке, с этой книги в руках.

— Почему вы показали мне это? — спросила Микаэла, и голос её дрогнул, и она не стала его прятать, ведь прятать больше не хотела, не от него, не от себя.

Акира смотрел на неё. Долго. Внимательно. Как смотрят на то, что не могут потерять, но боятся, что потеряют, и в этом взгляде было то, чего она раньше не видела, не усталость и не вину, а то, что было под ними, то, что он прятал всю жизнь и только теперь начал показывать, как показывают шрам, который давно зажил, но всё ещё помнит боль.

— Я не знаю, — сказал Акира. И это был честный ответ. Не уклонение. Не кокетство. Правда. — Может быть, потому что вы единственная, кто читал меня так, как я писал. Может быть, потому что я хочу, чтобы кто-то увидел. Может быть, потому что я устал прятать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.